

УДК 2

**Предфеноменологическая тенденция
в дискурсе философской школы
Санкт-Петербургской духовной академии
в середине XIX – начале XX вв.**

Столяров Александр Геннадьевич

Аспирант,
Дальневосточный федеральный университет,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: AspirantStolyarov@yandex.ru

Аннотация

Автор статьи провел историко-философское исследование творчества русских философов, занимавшихся научно-преподавательской деятельностью в стенах Санкт-Петербургской духовной Академии в XIX – начале XX вв. В статье раскрывается общее концептуальное ядро и определенная преемственность, что позволяет говорить о существовании в академии отдельной логико-феноменологической философской школы, в которой достаточно глубоко шла разработка вопросов познания – от последовательной критики уже существующих учений до переосмысления логико-гносеологических аксиом и выработки оригинального подхода к актуальным философским проблемам. Представители школы, несмотря на принадлежность к религиозно-философской традиции, стремились идти в ногу с современной им философской наукой и использовать строго научный, логически обоснованный метод, для которого характерно неприятие догматизма, двусмысленности формулировок, крайностей рационализма и эмпиризма. Их логические и гносеологические теории имели общие признаки с учениями западноевропейских исследователей в области психологии и феноменологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Столяров А.Г. Предфеноменологическая тенденция в дискурсе философской школы Санкт-Петербургской духовной академии в середине XIX – начале XX вв. // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 45-56.

Ключевые слова

СПбДА, логика, психология, гносеология, предфеноменология.

Введение

Истоки русской академической философии, в том числе и философской школы Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА), детерминированы множеством факторов: принадлежностью к духовной православной традиции, историческим и социально-культурным контекстом, а также влиянием исторически значимых философских течений – начиная от самых первых (досократические школы) и заканчивая ее современниками (неокантианцы, постгегелевские теисты, материалисты и позитивисты).

Мы постараемся дать общую характеристику традиции философствования в академии, выделить ее концептуальное ядро и показать его генезис на примере работ наиболее ярких представителей философской школы. Ввиду того, что основная деятельность школы пришлось на период более полувека, происходила постоянная смена философского дискурса, но при сохранении общих смысловых установок. Если в самом начале (30-е годы XIX века) только формировалось проблемное поле будущей философской науки и делались попытки обрисовать адекватную методологию, то уже к концу XIX века была проведена положительная критика существовавших в то время видов логики, сделаны первые наброски в раскрытии структур и функционирования сознания мыслящего субъекта, представлены основные характеристики самого процесса познания. При этом можно зафиксировать определенный характер философствования ученых-преподавателей академии, выразившийся в логико-феноменологической ориентированности и системности исследовательских подходов.

Генезис и первые теоретические разработки философской школы Санкт-Петербургской духовной академии

Философская школа СПбДА зародилась в начале XIX века – вместе с открытием соответствующей кафедры и приглашением к преподаванию на ней немецких ученых Иоганна фон Горна и Аврелия Фесслера [Пишун, 2004]. Однако, начало преподавания философских наук еще не предполагало появления серьезной научной базы с четко определенными направлениями исследований. Современный историк академической философии С.В. Пишун, говоря об основателях и ярких представителях философской школы СПбДА Ф.Ф. Сидонском и В.Н. Карпове, показал, что «их исходная задача состояла в выработке ясного и вместе с тем неупрощенного определения философии и ее отдельных отраслей» [Пишун, 2013, 136]. Рецепция учений различных философских школ и традиций, а также личные научные предпочтения ученых-преподавателей академии дали уже собственной философской школе СПбДА характер логико-гносеологической, а позже – логико-феноменологической, определение и признаки которой мы раскроем, акцентируя внимание на присущих ей проблематике, методологии и целях.

В первую очередь, следует говорить о первоначальной установке исследователей, направленной на выделение и определение сознания субъекта, как основного фундирующего элемента любой философии, и на дальнейшее раскрытие его через дискурсивный процесс познания, выстроенный на основе первоначальных, самоочевидных истин (аксиом) и логических законов, обеспечивающих получение непротиворечивого, истинного знания. Действительно, практически во всех трудах русских ученых, работавших на философских кафедрах СПбДА, мы находим утверждение об уме субъекта (в смысле сознания, души), как первоначале любой науки. Поэтому императивом каждой теоретически значимой работы всегда становилось требование определить этот ум и научно описать его структуру и свойства. Именно психология (в том широком смысле, как она тогда понималась) становится своего рода «введением», то есть – «определением главных моментов» в философии.

Как же русские мыслители определяли ум субъекта, душу, сознание? Профессор СПбДА В.Н. Карпов высказал следующую мысль: «Сознание есть факт, свидетельствующий о самом себе через самого себя» [Карпов, 1868, 195]. И, там же: «Сознание, как начало психологии, ни формально, ни реально» [Карпов, 1868, 196]. В своих трудах он признавал, что стремление до конца раскрыть сущность основы основ не приведет к успеху, показав сложность подобной дефиниции, так как «опыт не находит в себе сил непосредственно войти в вышеопытные условия ее существования» [Карпов, 1868, 228]. Но эта попытка также выявила неизбежную необходимость признать сознание условием любого познания и бытия. В данном ключе русские философы стояли на тех же исходных позициях, что и рационалисты задолго до них, в первую очередь — Декарт. Однако, несмотря на тесную связь русской академической философии и православного теизма, философы-преподаватели СПбДА старались сохранить установку на безусловную достоверность, или аподиктичность любого предполагаемого или получаемого знания, дистанцируясь в этих вопросах от всех догматов, включая богословские. Уже упомянутый В.Н. Карпов признавал, что «между тем, как ни чувство, ни постулаты закона, ни идея Бога не могут быть положены в основание философии, все признаки субъективного ее начала очевидно приличествуют сознанию. Сознание может быть названо первой истиной» [Карпов, 1840, 50]. Кажущееся противоречие с фактом принадлежности философской школы к православному теизму разрешалось благодаря строгому разделению проблем научных и общечеловеческих (последние решались, в том числе, и в рамках религиозного мировоззрения).

Стоит заметить, что похожий путь уже пытались пройти многие философы задолго до них. Начиная с Декарта и его радикального сомнения во всем, кроме безусловно необходимого, или аподиктичного «*cogito ergo sum*»; Канта — с его априорными формами познания и трансцендентальными категориями субъекта; Фихте и его постулирование первоначальной и необходимости деятельности «Я», полагающего себя и тождественного себе, и т.д. Все эти теории, при значимой роли в истории философии, так или иначе были несовершенны, не устояв перед критикой их чрезмерного догматизма, допущений или пробелов.

Действительно, четко разделяя сферы применения понятий и работая над созданием непротиворечивого логического аппарата, мыслители СПбДА также видели и границы научных дисциплин. Если психология, вместе с логикой, должна была описать, соответственно, бытие и деятельность души, то вопросы цели или смысла существования человеческого существа оставались в области православной антропологии, телеологии и аксиологии. Гносеология русских мыслителей, построенная на началах психологических и имевшая логически обоснованную методологию, должна была, не противореча здравому смыслу и субъективно фиксируемому внутреннему опыту, привести к законченной философии, описывающей духовную жизнь человека во всей полноте ее бытия. Природа человека, по словам Карпова, должна была проявиться в трех видах жизни – «в мышлении рассудка, в хотении воли, в чувствовании сердца, – это все нераздельный субъект» [Карпов, 1840, 126]. А полнота бытия, в свою очередь, по убеждению философа, – была тождественна благу, как общему закону.

Философская школа СПбДА воспитывала критическое отношение к любым теоретическим разработкам, не способным раскрыть сущность поднимаемых проблем до самых своих оснований, но, в то же время, принимала хорошо зарекомендовавшую себя методологию на вооружение. Метафизика, вместо того, чтобы противиться эмпиризму, становится наукой о всем том мыслимом, которое можно мыслить. И это мыслимое, и само мышление суть нераздельное сверхчувственное бытие, которое и должно быть предметом философии.

Психофизическая проблема в гносеологии логиков-психологов СПбДА

Говоря о проблеме сознания, следует подчеркнуть, что однозначных ответов на вопросы о его природе так и не последовало. Как психологи, русские ученые признавали феноменальность любого, даже внутреннего опыта, и бессилие разума над вышеопытными дефинициями. Ученик В.Н. Карпова, преподаватель философии в СПбДА А.Е. Светилин, критикуя умеренный материализм и физиологизм, писал, что «явления, сопровождающие сознание, не многим более известны науке, как и явления, совершающиеся в области туманных звезд» [Светилин, 1878, 577]. Многие «белые пятна» в науке о сознании должны были устраняться в ходе последовательной разработки универсальной логики, описывающей законы мышления и способной в перспективе по адекватности и аподиктичности встать в один ряд с математикой и естествознанием.

Во второй половине XIX века (после ухода из жизни профессора В.Н. Карпова), философская школа СПбДА в самом общем определении приобрела свой характер, который можно раскрыть в двух условно принятых ею основоположениях:

- Метафизика имеет право на существование и раскрывается через гносеологию;
- Гносеология, посредством логики, способна встать в основание любой науки, объединить различные области знания, а также достичь всех определений мистицизма рационально.

Эти две установки предъявляли ряд требований к следовавшему указанным путем философу – необходимо было определить структуру субъекта и его роль в процессе познания; выявить первоначальные, самоочевидные и аподиктические основы познания (аксиомы); разработать теорию вывода (подвергнув критической оценке разрозненные в то время направления логики); осмыслить полученные результаты и верифицировать их в рамках научного и религиозного мировоззрения.

Каким же образом решались поставленные задачи? Профессора СПбДА В.Н. Карпов, А.Е. Светилин, М.И. Каринский, Н.Г. Дебольский несколько по-разному подходили к разработке логического содержания своих концепций, но работали в одном проблематическом поле.

Признав недостаточную разработанность и высокую сложность вопроса раскрытия сущности и онтологического статуса сознания, русскими мыслителями были намечены пути развития психологии в русле раскрытия феноменологии души. В понимании Карпова, эта та часть психологии, которая занимается исследованием и распределением отдельных явлений духовной природы человека. Ученый предполагал использование наблюдения и эмпирических данных, в которых заключена деятельность человеческого «Я», а также дальнейшую теоретическую их обработку.

Тема феноменологии души также присутствовала и в творчестве ученика В.Н. Карпова – А.Е. Светилина. Преподаватель СПбДА не раз обращается к критике так называемого умеренного материализма, приверженцы которого пытались применить современный им естественно-научный метод в психологии. И здесь вопрос уже стоит не о внутреннем чувстве субъекта и его несхватываемости сторонним наблюдателем, или не о самосознании и интуитивном стремлении к благу, а скорее о логической невыводимости таких понятий, как «объективный мир», «душа», «сознание» и т.д. Светилин заключает: «насколько они существуют, в отличие от принадлежащих им свойств и действий, – мы не знаем. Они для нашего познания суть простые носители свойств, – логические подлежащие относящихся к ним суждений» [Светилин, 1878, 563]. В направлении исследований психологии и феноменологии души происходило развитие идей и учеников Светилина: достаточно вспомнить магистерскую диссертацию Антония Храповицкого (тогда еще студента Санкт-Петербургской духовной академии) «Психологические данные в пользу свободы воли и нравственной ответственности», в которой наука о душевных процессах перешла на этап критической философской антропологии.

Также замечателен пример выпускника и впоследствии преподавателя СПбДА В.С. Серебrenникова. Пройдя стажировку в институтах экспериментальной психологии Лейпцига, Геттингена, Парижа, Бонна, Гейдельберга и Берлина у именитых философов-психологов того времени (в первую очередь В. Вундта и О. Кюльпе), он также показал несовершенство позитивистских и материалистических установок на вопросы сознания и познания. Развитие физиологии вместо того, чтобы показать механическую природу душевных явлений,

привело к не меньшим противоречиям в вопросах описания сознания, чем были во времена царствования метафизических теорий, только теперь возможности эксперимента показывали наглядные, верифицируемые и повторяемые результаты, выводы из которых «подсекают в самом корне сенсуализм, который учит, что, по свидетельству опыта, душевная жизнь складывается из чистых ощущений» [Серебренников, 1895, 311]. Серебренников также указывал на чрезмерную решительность и поверхностность взгляда многих современных ему ученых, отдававших приоритет радикальному физиологизму при дефинициях сущности и бытийного статуса души как центра «Я». Его позиция по этому вопросу схожа с мнением уже упомянутого преподавателя СПбДА А.Е. Светилиным и другими философами, пытавшимися показать необходимость комплексного подхода к онтологической проблеме сознания.

Исследования в логико-психологическом поле привели к пониманию дивергентности физического (метафизического) и логического описаний законов функционирования сознания. Логическое (гносеологическое), хотя и выглядело более адекватным – за счет большей разработанности и всеобщности, но также не выдерживало требований безусловной аподиктичности. Учет претензий скептицизма должен был привести или к тотальному агностицизму, примеры которого не раз встречались в истории философии, или помочь выработать такие подходы, которые обеспечили бы наиболее непротиворечивые выводы и приобретение положительного знания. С этого момента наметилась тенденция ухода от метафизических оснований и посылок в построении новой философии. Приоритет постепенно переходил к вероятностному, гипотетическому и феноменологическому подходам, дистанцирующимся от сущности исследуемых явлений в сторону отношений между ними и способным, в свою очередь, привести к формированию более прочного научного фундамента. Такая гносеология должна была опираться на сознание, как аподиктически существующую данность, воспринимаемый им мир явлений, отношения между ними, механизмы восприятия, его законы и свойства. В Санкт-Петербургской духовной академии она получила именно такое направление развития, ярким представителем которого (и не только в стенах академии, но и во всей российской философской науке) стал профессор М.И. Каринский.

Предфеноменологическая философия М.И. Каринского

Одна из центральных работ в его философском творчестве – «Явление и действительность» – затрагивает вопрос правомочности как фундаментальных положений материализма и спиритуализма в отношении сознания (или субъекта переживаний), так и сложившейся в то время позитивистской установки на непознаваемость внешней действительности. Пожалуй, впервые мы встречаем в существовавшем в то время философском дискурсе предположения о вариативном и нефундаментальном характере не только бытия внешнего мира и действительности проходящих в нем физических процессов (что, как было показано

выше, уже не раз встречалось в истории философии), но и способности адекватной рефлексии того, что считалось жизнью самотождественного субъекта. Каринский предпринял попытку переосмысления и глубокого логического анализа таких, казалось бы, незыблемых терминов, как «явление», «представление», «внешний и внутренний опыт», «сознание», «акт чувствительности» и др. При этом становятся различимы первые предфеноменологические посылки, выраженные в отсутствии притязаний на экспликацию истинной природы субъекта (эти вопросы просто выводятся за рамки философской проблематики) и последующей акцентуации на неопровержимой, аподиктической данности череды фактов и их смыслов, составляющих, таким образом, новую, более правомочную и логически оправданную реальность. Вся психическая жизнь субъекта отождествляется у Каринского с так называемой внешней действительностью, данной и возможной лишь в явлении (и это относится также к саморефлексии и к самоистолкованию), обретая реальность не метафизическую, но феноменалистическую – выраженную в самоочевидных познавательных актах.

Современный исследователь истории феноменологической мысли в России И.М. Чубаров признал Каринского одним из основоположников этого направления (вместе с В.С. Соловьевым и С.Н. Трубецким), каждый из которых так или иначе приходил к необходимости разработки новых теоретических подходов в философии и науке. В случае с М.И. Каринским он констатирует сходство его понятийного аппарата с вышедшими несколько позднее работами Э. Гуссерля и разработками предшественника последнего – Франца Brentano.

Действительно, обращаясь к тому времени (2-я половина XIX века), когда метафизика потеряла свое право на фундаментальную роль в науке и философии, а позитивизм не смог предложить адекватной и законченной теории познающего сознания, можно заметить уклон общеевропейской философской науки в сторону поиска в деятельности сознания таких отношений и структур, которые не требовали бы ни теоретических (или религиозных) предпосылок, ни материалистического подтверждения, но при этом были бы непосредственно очевидны и принципиально непротиворечивы. И такой реальностью стал мир явлений, при этом сам смысл понятия «явление» претерпел значительную трансформацию.

Отличительной чертой новой философии стали, во-первых, настроенная более скептически рефлексия, а во-вторых – установка на всесторонний анализ психических актов, их содержания и функций, как единственно значимой для познания реальности. Работу в данном направлении проводили многие философы и психологи, пытаясь примирить в рамках новой дисциплины, – психофизиологии, традиционную логику с только оформившимися, но уже делающими успехи опытной физиологией и экспериментальной психологией. В пример можно привести целую плеяду западных ученых, так или иначе внесших вклад в формирование новой науки о субъекте и познании – Ф. Brentano, К. Штумпф, В. Шuppe, Т. Липпс, У. Джемс, Г. Уфуэс, Э. Гуссерль и др. Стоит заметить, что краеугольным камнем психологического учения, приведшим к разработке феноменологии, стало понятие «интен-

циональность», которому Brentano дал вторую жизнь, заимствовав этот термин из схоластической философии и расширив область его применения. Однако, теперь то, что у средневековых философов определялось как свойство сознания быть устремленным к предмету мышления, стало неотъемлемой его функцией, служащей безусловному и необходимому построению внутри субъективного «Я» некоего мира «интенционально существующих объектов» или «имманентных предметностей».

В интерпретации М.И. Каринского термин «явление» становится аналогом термина «иллюзия» – в своей противоположности понятию «действительность». Причем, приведенная философом иллюзорность, в отличие от расхожего употребления этого понятия, обладала характером общности для всех воспринимающих существ и укоренена в самой природе познающего духа: «Каждый, строго говоря, живет среди своего собственного внешнего мира, точно также как живет он среди своего собственного мира внутреннего» [Каринский, 1998, 32]. Но, проецируя характер явленности на любое возможное содержание восприятия внешнего и внутреннего мира, и это одно из фундаментальных положений гносеологии Каринского, статус несомненного факта действительности остается лишь у состояний и модификаций чувствительности. В отличие от западных философов и психологов, русский мыслитель апеллирует не к интуитивной очевидности «схватывания» или «подмечивания», а к логической бессмысленности попытки поставить акт представления в качестве очередного явления (или, по-другому – «замены») в ряду привычных восприятий. При этом философ предостерегает от соблазна определить действительное «Я» через какие-либо предикаты свойств чувственности, так как оно, как мысленный образ, таким же образом сходно с предметами внешних восприятий в том отношении, что «есть вечно неизбежная и вечно неудачная попытка чувствительности поставить мысленный образ нашего существа на место его самого или по крайней мере первый отождествить с последним» [Каринский, 1998, 39]. Эта установка очень похожа по смыслу с дуализмом явленного, то есть индивидуального «Я», и трансцендентного «Я в себе», который присутствовал в психологических исследованиях Теодора Липпса. Эти же мысли, но уже о трансцендентальном «Я», были высказаны несколько позже Эдмундом Гуссерлем в его феноменологии.

Однако, и Каринский, и другие мыслители философской школы СПбДА твердо стояли на реалистических установках, акцентируя внимание на недостаточной разработанности вопроса о бытийном статусе мира и сознания. Атрибуты неизбежной чувственности и созерцательности непосредственного сознания «и есть причина того, что наше сознание непосредственно чувствует себя живущим и действующим среди бытия действительного, а не среди собственных представлений, которые служили бы только простыми знаками скрытой от него навеки иной действительности» [Каринский, 1893, 496]. Вопрос же генезиса этого непосредственного сознания остается открытым.

Исследователи творчества М.И. Каринского (в первую очередь – от советской философской школы) выражали мнение о наличии у преподавателя духовной академии симпатий к

материализму, хотя сам мыслитель констатировал факт догматичности данного направления философии в отношении к миру вещей и заблуждений насчет мира феноменов. На это же указывает и И.М. Чубаров, подчеркивая, что Каринский в своем дистанцировании как от позитивистов (материалистов), так и от спиритуалистов, обращается «к рефлексивной процедуре, близкой по смыслу феноменологическому $\epsilon\lambda\omicron\chi\eta$, заключающейся, по его словам, в исключении из философского исследования “предположений о бытии”, под которыми он, так же, как и Гуссерль понимает не бытие “самих вещей”, а экзистенциальные суждения, проецируемые в метафизике на феномены сознания и самое сознание в его спонтанной (активной) деятельности» [Чубаров, 1998, 23]. Основные акценты гносеологии, в интерпретации русского философа, должны сместиться с выяснения того, «дан или не дан, может или не может быть дан непосредственно предмет, которым интересуется наша любознательность» на более проблематичное «имеем ли мы достаточные причины признать его существование и пригодные представления для того, чтобы составить о нем понятие?» [Каринский, 1998, 47]. Причем, относится это не только к так называемому «внешнему» миру с его объектами, но и к субъективному «Я» с его свойствами. Существенными остаются лишь только «аффекции», которые в процессе «замены» интерпретируются как свидетельства бытия внешних предметов и внутренних переживаний, в том числе и субъективного «Я», испытывающего эти аффективные состояния, но на самом деле также образующегося как понятие в акте репродукции, то есть «замены» реального существа (духа). Таким образом, реальность мира вещей и субъекта (как духа) обретается не через аподиктическую данность одной из них, а через двухполюсное отношение, дающее бытие явлению и сознанию.

В то же время, реальность, по Каринскому, составляет реальность именно человеческую, в которой он способен существовать как мыслящее существо. Внешняя действительность, наравне с доказанной действительностью актов сознания, существует как условие явлений, но не может быть познана непосредственно – в силу принципиальной невозможности для вещей «втиснуться» в сознание. Человек нуждается в таком виде реальности, которая была бы для нас не образом (в смысле представления или иллюзии), а как бы живой действительностью вещей, с которыми он стоит во взаимодействии в практической жизни. Понимание явления как «замены» действительности позволяет осмыслить, почему человек, при нумерической единственности его мира, способен догадываться о существовании иных миров, не чувствовать себя одиноким, сознавать себя «частью целого бытия» и, наконец, объяснить возможность успешной коммуникации конечных существ друг с другом. Но и обратно – факт такой коммуникации должен доказывать обуславливающего его существования «самых вещей».

Говоря об учении М.И. Каринского о сознании, мы подразумеваем общую тенденцию, так или иначе присущую творчеству разных мыслителей, занятых философскими исследованиями и преподнесением своих идей слушателям во время преподавания философских наук в Санкт-Петербургской духовной академии.

Заключение

Таким образом, становится понятным общий подход к проблемам сознания, обоснованности и обусловленности его функционирования в ученой философской среде. Ей оказались чужды крайности метафизической (догматической) и позитивистской (материалистической) установок. Отталкиваясь от психологических оснований Ф.Ф. Сидонского и В.Н. Карпова, через положительную критику прошлых и современных им западноевропейских учений, исследователи философской школы СПбДА пришли к собственным оригинальным идеям и методам, способным в перспективе встать в основание любой науки.

Библиография

1. Бажанов В.А. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев. М.: РОС-СПЭН, 2012. 423 с.
2. Каринский М.И. Об истинах самоочевидных // Журнал Министерства народного просвещения. 1893 г. № 285. С. 295-354. № 286. С. 450-498. № 288. С. 431-516.
3. Каринский М.И. Явление и действительность // Антология феноменологической философии в России. М.: Издательство Логос, 1998. С. 27-58.
4. Карпов В.Н. Введение в философию. СПб., 1840.
5. Карпов В.Н. Вступительная лекция в психологию // Христианское чтение. 1868. №2. С. 189-229.
6. Карпов В.Н. О самопознании // Странник, духовный учено-литературный журнал. 1860. Т.1. С.17-34.
7. Пишун С.В. Немецкие профессора у истоков преподавания философии в Санкт-Петербургской духовной академии в начале XIX в. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2004. № 1. С. 22-26.
8. Пишун С.В. Природа философского знания в интерпретации Санкт-Петербургской школы духовно-академического теизма. Взгляд Ф.Ф. Сидонского и В.Н. Карпова // Религиоведение. 2013. №3. С. 131-137.
9. Пишун С.В., Гунькин И.В., Пинчук В.Ю., Сахатский А.Г. Православный философский теизм (XIX-начала XX веков). Владивосток, 2006.
10. Светилин А.Е. Умеренный материализм // Христианское чтение. 1878. № 3-4. С. 561-584.
11. Светилин А.Е. Учебник формальной логики. СПб.: Типография А. Траншеля, 1871. 219 с.
12. Серебренников В.С. Психофизические исследования и их значение для психологии: очерк о экспериментальной психологии // Христианское чтение. 1895. №3-4. С. 288-311.

Prephenomenological tendency in the discourse of the philosophical school of the St. Petersburg Theological Academy in the middle of XIX – beginning of XX centuries

Aleksandr G. Stolyarov

Postgraduate,

Far Eastern Federal University,

690091, 8 Sukhanova st., Vladivostok, Russian Federation;

e-mail: AspirantStolyarov@yandex.ru

Abstract

The origins of Russian academic philosophy, including the philosophical school of the St. Petersburg Theological Academy, are determined by a variety of factors: belonging to the spiritual Orthodox tradition, historical and socio-cultural context, as well as the influence of historically significant philosophical currents, from the very first and ending with her contemporaries. The author tries to give a general description of the tradition of philosophizing in the academy, highlighting its conceptual core and shows its genesis on the example of the works of the most prominent representatives of the philosophical school. The author of the article conducted a historical and philosophical study of the work of Russian philosophers engaged in scientific and teaching activities within the walls of the St. Petersburg Theological Academy in the XIX – early XX centuries. The article reveals a common conceptual core and a certain continuity, which makes it possible to talk about the existence of a separate logical-phenomenological philosophical school in the academy, in which the development of cognition issues, from consistent criticism of already existing teachings to a rethinking of logical-epistemological axioms, and developing an original approach to actual philosophical problems. Representatives of the school, despite belonging to the religious and philosophical tradition, sought to keep pace with the modern philosophical science and use a strictly scientific, logically based method. Their logical and epistemological theories had common features with the teachings of Western European researchers in the field of psychology and phenomenology.

For citation

Stolyarov A.G. (2017) Predfenomenologicheskaya tendentsiya v diskurse filosofskoi shkoly Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii v seredine XIX – nachale XX vv. [Prephenomenological tendency in the discourse of the philosophical school of the St. Petersburg Theological Academy in the middle of XIX – beginning of XX centuries]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 45-56.

Keywords

Logic, psychology, gnoseology, prephenomenology, philosophy.

References

1. Bazhanov V.A. (2012) *Logiko-gnoseologicheskoe napravlenie v otechestvennoi filosofii (perвая polovina XX veka): M.I. Karinskii, V.N. Ivanovskii, N.A. Vasil'ev* [Logico-gnoseological direction in the domestic philosophy (first half of XX century): M.I. Karinsky, V.N. Ivanovsky, N.A. Vasiliev]. Moscow: ROSSPEN Publ.
2. Karinskii M.I. (1893) Ob istinakh samoochevidnykh [On the truths of self-evident]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education]. 1893. № 285. P. 295-354. № 286. P. 450-498. № 288. P. 431-516.
3. Karinskii M.I. (1998) Yavlenie i deistvitel'nost' [Phenomenon and reality]. *Antologiya fenomenologicheskoi filosofii v Rossii* [Anthology of phenomenological philosophy in Russia]. Moscow: Logos Publ.
4. Karpov V.N. (1860) O samopoznaniy [About self-knowledge]. *Strannik, dukhovnyi ucheno-literaturnyi zhurnal* [Wanderer, spiritual scholar-literary magazine]. 1860. Vol.1. P.17-34.
5. Karpov V.N. (1868) Vstupitel'naya lektsiya v psikhologiyu [Introductory lecture in psychology]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings], 2, pp. 189-229.
6. Karpov V.N. (1840) *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy]. St. Petersburg.
7. Pishun S.V. (2004) Nemetskie professora u istokov prepodavaniya filosofii v Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii v nachale XIX v. [German professors at the origins of philosophy teaching at the St. Petersburg Theological Academy in the early nineteenth century]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and human sciences in the Far East], 1, pp. 22-26.
8. Pishun S.V. (2013) Priroda filosofskogo znaniya v interpretatsii Sankt-Peterburgskoi shkoly dukhovno-akademicheskogo teizma. Vzgl'yad F.F. Sidonskogo i V.N. Karpova [The nature of philosophical knowledge in the interpretation of the St. Petersburg School of Spiritual and Academic Theism. View of F.F. Sidonsky and V.N. Karpova]. *Religiovedenie* [Religious Studies], 3, pp. 131-137.
9. Pishun S.V., Gun'kin I.V., Pinchuk V.Yu., Sakhatskii A.G. (2006) *Pravoslavnyi filosofskii teizm (XIX-nachala XX vekov)* [Orthodox philosophical theism (XIX-early XX centuries)]. Vladivostok.
10. Svetilin A.E. (1871) *Uchebnik formal'noi logiki* [Textbook of formal logic]. St. Petersburg: Tipografiya A. Transhelya Publ.
11. Svetilin A.E. (1878) Umerennyi materializm [Moderate materialism]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings], 3-4, pp. 561-584.
12. Serebrennikov V.S. (1895) Psikhofizicheskie issledovaniya i ikh znachenie dlya psikhologii: ocherk o eksperimental'noi psikhologii [Psychophysical studies and their significance for psychology: an essay on experimental psychology]. *Khristianskoe chtenie* [Christian readings], 3-4, pp. 288-311.